

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая. Рождение героя	6
Глава вторая. Жизнь в семье. Как формируется личность . . .	11
Глава третья. Солдат гвардии и армейский офицер	29
Глава четвертая. Семилетняя война	47
Глава пятая. Командир полка	67
Глава шестая. Три войны вместе	82
Глава седьмая. Мирные годы и немирные заботы 1775–1778 гг.	122
Глава восьмая. Семейная драма и «маленькая» секретная экспедиция	147
Глава девятая. Тяжкая пора перед грозой	167
Глава десятая. Гроза разразилась	190
Глава одиннадцатая. Война входит в зенит	225
Глава двенадцатая. Солнце Рымника	252
Глава тринадцатая. Год Измаила	278
Глава четырнадцатая. Поражение при дворе	306

Глава пятнадцатая. Годы тягот и треволнений	330
Глава шестнадцатая. Новый взлет судьбы	360
Глава семнадцатая. Остаться человеком на войне	387
Глава восемнадцатая. Фельдмаршал	410
Глава девятнадцатая. Тщетные надежды и неожиданный закат	426
Глава двадцатая. Погребен в Кончанском	453
Глава двадцать первая. Воскресение российского Марса	472
Глава двадцать вторая. Гроза над берегами По	496
Глава двадцать третья. Италия почти свободна	532

Глава четвертая

СЕМИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

Первая война — как первая любовь: впечатления самые сильные, переживания самые острые, уроки опыта самые глубокие, потому что все здесь в первый раз и на всю жизнь. И противник здесь достался русской армии такой, что спаси и сохрани, — король Фридрих был первейшим полководцем Европы. Нам придется встречаться с ним еще не раз на страницах этой книги, так не лучше ли познакомиться с ним поближе?

Люди одаренные рождаются нечасто, а среди монархов тем более. Фридрих II был и человек, и монарх очень способный. Философ и циник, скептик и рационалист, законодатель и полководец, трудолюбивец, писатель, дипломат, ценитель музыки, человек, совершенно аморальный в вопросах политики, — все это сразу и одновременно уживалось в нем. В молодые годы он пытался бежать из Пруссии, а став королем, превратился в рачительного хозяина и слугу королевства: едва вступив на престол, молодой король раз и навсегда запретил процессы по обвинению в колдовстве, заявив, что это позорный предрассудок. Завоевав у австрийцев Силезию, законодательно ограничил там крепостное право, все 46 лет правления старался строить народные школы в деревнях, был образцово веротерпим, заботился об Академии наук, построил здание Оперы в Берлине, коллекционировал живопись и скульптуру, сочинял музыку для флейты. И постоянно занимался делами королевства, чего нельзя было сказать ни о Людовике XV, ни о Елизавете Петровне. Он был сыном века Просвещения и старался быть философом на троне, как писал о нем Вольтер. Яркий представитель просвещенного абсолютизма, он имел право сказать о себе: «Я верный раб долга, который приковывает оковами пышными, но крепкими к моей родине»¹.

Но сколь был он нужен и полезен для Пруссии, столь же и опасен для ее соседей. Если видел он, что соседнее княжество или провинция в Германии плохо управляется либо слабо, как, например, Саксония, Силезия или Речь Посполитая, то считал недостойным не воспользоваться этим и не

¹ Фрейзер Д. Фридрих Великий. — М., 2003. — С. 232.

урвать кусок для приумножения прусского государственного тела. Четырежды его неутолимый аппетит разжигал войну в Центральной Европе, самой значительной из них стала Семилетняя. Отношение его к России было сдержанно-настороженным: короля пугали огромные размеры и все возрастающие силы северной империи, самим фактом своего существования она нарушала все политические планы, вызревавшие в его мозгу. Он старался избежать столкновения, но рассудок пасовал перед чувствами, твердившими о неизбежности схватки. Час ее пробил.

В начале лета 1756 г. Фридрих II, благодаря измене Ф. Менцеля, чиновника саксонского Министерства иностранных дел, получил неопровержимые документальные доказательства тайного союза Австрийской империи, России и Саксонии против него, а также детали планировавшегося вторжения австрийцев и русских в Пруссию. То, что он своей политикой захватов и интригами провоцировал обе империи на это, король признавать не хотел, считая себя правым в надвинувшемся конфликте. В июле он стал требовать от австрийской императрицы Марии Терезии официального заявления о желании сохранить мир, но она уже готовилась к вторжению и концентрировала в Чехии большую армию для вторжения в Пруссию через Саксонию. Естественно, императрица ответила обвинениями в захвате 15 лет назад Силезии и ничего не сказала о том, что не намерена атаковать Пруссию. Это послание было получено в Берлине 25 августа 1756 г.

К этому дню в течение двух месяцев Фридрих готовил все для превентивного удара, рассчитывая, и вполне справедливо, что русская армия пока что не сможет немедленно выступить в поход, а значит, его внезапный удар выведет сразу из строя Саксонию и Австрию. В такой обстановке ни Франция, ни Россия не вмешаются, и он быстро заключит выгодный мир. Он явно рассчитывал на блицкриг. 28 августа король встал во главе своих войск и повел их через границу Саксонии. Война началась, и никто не мог предположить, что продлится она семь долгих лет.

Вот каковы были международные обстоятельства, когда обер-провиантмейстер Александр Суворов инспектировал армейские «магазинны» в Новгородской губернии. То, что в начале его проверок было лишь отдаленной перспективой, через шесть месяцев стало реальностью: война вспыхнула, и склады оказались на важнейшей операционной линии наших войск. Государыня Елизавета Петровна соизволила отдать приказ им выступить в поход. Но на деле все оказалось гораздо сложнее: хотя война и была тогда же объявлена, но армия наша, как и предполагал король прусский, перейти в наступление не была готова. Необходимо было стягивать полки к Риге и Смоленску, производить дополнительный рекрутский набор, пополнять

некомплект конского поголовья, передвинуть к пунктам сбора войск полевую и осадную артиллерию, понтонные и инженерные парки, пополнить продовольственные и фуражные магазины и пр.

Во главе армии был поставлен бывший командир нашего героя по лейб-гвардии Семеновскому полку Апраксин, которому государыня заблаговременно, 5 сентября (старый стиль), пожаловала чин генерал-фельдмаршала, забыв, очевидно, что не чин делает полководцем. Однако же как бы ни был далек от военного искусства этот ловкий вельможа, но и он понимал, что не готовая к войне армия выступить в поход не может. Поэтому, получив в октябре 1756 г. инструкцию Конференции при Высочайшем дворе, составленную для руководства военными действиями, о переходе польской границы, попросил Степан Федорович аудиенцию у императрицы и объяснил ей неблестящее положение войск наших и невозможность выполнить инструкцию Конференции в ближайшие месяцы. Результатом этого доклада был форменный скандал при Высочайшем дворе; государыня обвинила генерал-фельдцейхмейстера П. И. Шувалова в прямом обмане и сокрытии от нее действительного положения вещей¹.

Во время этих событий определением Военной коллегии по высочайшему указу Александр Суворов был вызван 28 октября из Новгорода в Петербург, «по прибытии <...> сдал в главной провиантской канцелярии письменные дела и деньги, а также представил бывшего при нем писаря»², ибо теперь все тем же указом назначен был он генерал-аудитор-лейтенантом и стал членом Государственной военной коллегии. Должность эта означала, что теперь он был заместителем главы военно-юридического, судебного ведомства российских вооруженных сил. Правда, на посту этом пробыл он всего 36 дней и по определению все той же Военной коллегии переименован был в премьер-майоры (со старшинством с 28 октября 1756 г.). А уже через два дня, 4 декабря, определен в пехотные полки команды еще одного новоиспеченного фельдмаршала из ближнего круга Елизаветы Петровны — А. Б. Бутурлина. Этот государственный муж представлен был к важному делу формирования третьих батальонов для полков действующей армии. Наконец-то наш герой получил задание, хоть косвенно, но делавшее его причастным к начинающейся войне.

Необходимо отметить, что за одиннадцать месяцев 1756 г. он продвинулся далеко по лестнице чинов: не командуя до сих пор строевым подразделением, он в начале года стал капитаном, а в конце был уже

¹ Коробков Н. М. Указ. соч. С. 88.

² А. В. Суворов. К 250-летию со дня рождения. М., 1980. С. 244.

премьер-майором, перепрыгнув сразу через чин секунд-майора. Новый чин давал право командовать батальоном либо занимать ответственную должность в начальствующем штабе дивизии. И все эти перемещения и чинопроизводства — менее чем за год, тогда как при обычном течении службы на это потребовалось бы не менее 10–12 лет. У нас нет оснований сомневаться в его добросовестном инспектировании новгородских военных складов, но генерал-аудитор-лейтенантом пробыл он все-таки 36 дней, и вероятно, такой рывок в карьере и такие изящные служебные перемещения были бы невозможны, если бы не направляла его в эти месяцы сильная и опытная в карьерных изворотах рука его родителя. К счастью, родственная протекция в этот раз помогала достойному.

Пока русская армия «сражалась» с постыдным несовершенством своей военной администрации и чудовищным казнокрадством придворных любимцев, ее временному бессилию откровенно радовались два европейских монарха — Фридрих II и Людовик XV. Первый, естественно, потому, что ее отсутствие на театре военных действий облегчало его замысел молниеносного разгрома Саксонии и поражения Австрии. Король же Франции видел в России прямую угрозу для своих притязаний на руководство «европейским концертом» государств, опасного притеснителя традиционных союзников монархии Бурбонов: Швеции, Речи Посполитой и Оттоманской империи. Решительное вступление русских в войну могло привести их к таким успехам, что была бы разбита и разгромлена не только Пруссия, но пришлось бы потесниться и золотым лилиям Бурбонов.

Из-за вынужденного бездействия русских король прусский в считанные дни без единого выстрела захватил Саксонию, вторгся в Чехию, принадлежавшую Марии Терезии, в конце сентября разбил австрийского фельдмаршала Броуна при Лобозице, 14 сентября саксонская армия капитулировала в Пирне. Правда, уже 21-го прусскому послу велели покинуть Париж, но войну пока не объявляли. Год заканчивался вроде бы успешно, но... Вена не предлагала ему мира и торопила Россию завершать приготовления к походу на Пруссию. И русские прилагали усилия, а 26 декабря Елизавета Петровна подписала акт о присоединении к Версальскому договору. В наступающем году летом можно было ждать гостей из России в Восточной Пруссии.

И 14 мая 1757 г. русские войска во главе с Апраксиным переходят Западную Двину. Поход начался. Через полтора месяца русскими был осажден Мемель (ныне Клайпеда в Литве), а 5 июля город был сдан. Почин наш в Восточной Пруссии был успешен. Следующие три недели армия медленно углублялась в страну неприятельскую, хотя чуть ли не вдвое превосходила силы фельдмаршала Левальдта, оборонявшего провинцию. Разведка

противника велась Апраксиным вяло, а казаки, башкиры и калмыки скорее грабили мирных жителей, нежели выявляли расположение неприятеля. В результате подобного ведения дел на рассвете 30 августа 1757 г. Левальдт, имея 23 тысячи, атаковал Апраксина во время марша нашей армии по лесным дорогам у Гросс-Егерсдорфа. Русская армия насчитывала в строю 50–55 тысяч старых солдат и около 20 тысяч рекрутов¹. Столь дерзкое нападение малочисленных пруссаков объяснялось их отличной выучкой и огромной уверенностью в слабой подготовленности русской армии.

Сражение было кровопролитным, но благодаря стойкости наших солдат и инициативе, проявленной молодым генерал-майором Румянцевым, победа осталась за русскими. После этого перед Апраксиным открывался путь на Кенигсберг, но фельдмаршал, не проявивший особенного таланта в битве, после нее поступил еще хуже: он трое суток протоптался на поле битвы, а потом столь неудачно сманеврировал, что армия оказалась застигнута начавшимися осенними дождями в глухой болотистой лесистой местности при остром недостатке продовольствия. В конце концов 8 сентября фельдмаршал, не исчерпав средств к доставке продовольствия, повелел начать отступление на восток. Так бесславно заканчивался первый поход русских войск в Пруссию.

Судьба Апраксина была плачевна: он был отстранен от командования, арестован и попал под следствие в октябре 1757 г. Важно отметить, что пока фельдмаршал находился под арестом, «состоять при нем» был назначен В. И. Суворов. Пробыл он при опальном до самой его кончины и исполнял свои обязанности, видимо, так хорошо, что уже 7 января 1758 г. был произведен в генерал-поручики, оставшись присутствовать в Военной коллегии².

Мы можем только подозревать, что творилось в душе Александра Суворова в эти непростые месяцы 1757 г.: русская армия изготовилась, выступила в поход, вступила в землю неприятельскую, дала генеральную баталию, отступила, преодолевая бескормицу, враждебность населения и тяготы осенней непогоды. А он? Что делал он, пока все сражались, рисковали жизнью, пожинали первые лавры? Он был лишен всего этого! Лишен того, к чему так настойчиво готовил себя все предыдущие годы и к чему так прилежала его душа. Да, конечно, он стал быстро продвигаться в чинах, но шли они не за подвиги на поле брани, поэтому не приносили ему полноценной радости. Как же должен был сетовать он на злодейку-судьбу, при-

¹ Масловский Д. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. — М., 1886. — Вып. 1. — С. 256–257.

² Алексеев В. А. Указ. соч. С. 419.

нявшую облик сурового и опытного отца, с которым так просто не поспоришь и не настоишь на своих желаниях! Ибо стоит только приступить к нему с прошением, сам же потом будешь не рад, так веско и бесспорно докажет он тебе свою правоту и твоё недомыслие. Оставалось только терпеть.

Между тем война шла своим чередом: Фридрих II весь 1757 г. то наносил удары австрийцам, то терпел от них поражение, то занимал Чехию, то оставлял ее. Поражение при Гросс-Егерсдорфе не очень расстроило его, но уход Апраксина обрадовал. Благодаря этому глухой осенью он смог разгромить французов при Росбахе, а 5 декабря победил австрийцев в Силезии при Лейхене. Обе последние победы оказались возможны именно из-за ухода русских.

Таким образом, наличие либо отсутствие русской армии на театре войны становится неременным фактором победы либо поражения антипрусской коалиции. Вот почему французский и австрийский дворы теперь требуют возобновления действий русской армии в Восточной Пруссии, а потом через Речь Посполитую в Силезии.

Уже в ноябре 1757 г. нашу армию возглавил генерал-аншеф В. В. Фермор:

«И как сей генерал, — пишет известный очевидец событий А. Т. Болотов, — известен был всем под именем весьма разумного и усердного человека, то переменою сею была вся армия чрезвычайно довольна. Он и не преминул тотчас стараниями своими и разумными новыми распоряжениями оправдать столь хорошее об нем мнение»¹.

Так как императрица и Конференция требовали от него быстро исправить ошибки Апраксина, то Фермор энергично взялся за дело:

«Первое и наиглавнейшее попечение сего генерала было в том, как бы удовлетворить всю армию своими нужными потребностями, а потом овладеть... королевством прусским <...> ибо, как между тем получено было известие, что король прусский все свое прусское королевство обнажил от войск, употребив оные... для изгнания шведов из Померании...»².

Фермор хотел идти с войсками из Мемеля к заливу Куриш-Гаф по льду и ждал, когда этот путь «покроется столь толстым льдом, чтоб по оному можно было идти прямым и кратчайшим путем на Кенигсберг войску со всею нужною артиллерию. Нетерпеливость его была столь велика, что с каждым днем приносили ему оттуда лед для суждения по толстоте его,

¹ Болотов А. Т. Указ соч. Т. 1. С. 329.

² Там же.

может ли он поднять на себе тягость артиллерии»¹. Наконец вожденный момент наступил:

«Граф Фермор еще в последние числа минувшего года переехал из Либавы в Мемель, а тут, изготовив и собрав небольшой корпус и взяв нужное число артиллерии, пошел 5-го числа генваря по заливу прямо к Кенигсбергу, приказав другому корпусу под командой генерал-майора графа Румянцева² в самое то ж время вступить в Пруссию со стороны Польши и овладеть городом Тильзитом»³.

Поход был стремителен и удачен, прусские города сдавались без единого выстрела: Тильзит, Гумбиннен и прочие открывали свои ворота по первому требованию. Уже 11 января 1758 г. войска русские вступили в Кенигсберг: провинция покорилась без сопротивления, фельдмаршал Левальдт посчитал за благо отступить за Вислу. Через три дня, в тот самый день 14-го (старый стиль) января, когда обычно праздновался день рождения Фридриха II, все жители провинции приносили присягу на верность и послушание российской государыне. Повсюду герб Гогенцоллернов был снят и заменен российским, многие обыватели вывешивали его над дверями домов, а в некоторых аристократических особняках появились портреты Елизаветы Петровны и ее наследника.

Теперь уже королю надо было зорко следить за действиями русской армии и обязательно принимать ее в расчет при планировании операций. Это обстоятельство и привело Фридриха II на поле у бранденбургской деревеньки Цорндорф, где между ним и русской армией под предводительством Фермора 25 августа (новый стиль) произошло кровопролитное сражение. Вот что писал о нем спустя полтора века знаменитый немецкий военный историк Г. Дельбрюн:

«Сражение при Цорндорфе <...> также не привело к тому решительному исходу, которого желал Фридрих. Русские удержались на своих позициях, а затем отступили вдоль прусского фронта⁴, причем Фридрих не решился вновь их атаковать, хотя они и очистили территорию Новой Марки, но осадили Кольберг⁵. Того же результата король мог бы достигнуть, следуя совету генерала Рюйтса: вместо того чтобы атаковать русских, овладеть их обозом

¹ Болотов А. Т. Указ соч. Т. 1. С. 330.

² Герой Гросс-Егерсдорфа и Кунердорфа, будущий фельдмаршал и победитель турок при Кагуле в 1770 г.

³ Болотов А. Т. Указ. соч. Т. 1. С. 330.

⁴ На следующий день.

⁵ Ныне Колобжег (польск.) на берегу Балтики.

и запасами, которые были отделены от армии. После сражения соответственная попытка была им сделана <...> но <...> не увенчалась успехом»¹.

О мужестве наших воинов свидетельствует и приближенный короля Г. де Катт:

«Русские валились целыми рядами, их рубили саблями, но они лежали на своих пушках и не бежали... раненные и уже свалившиеся, они еще стреляли. Им не давалось никакой пощады»².

Один из прусских офицеров так отозвался о них:

«Что касается русских grenадер, то можно утверждать — никакие другие солдаты не сравнятся с ними»³.

Сам король в разговоре с де Каттом признавался вечером после битвы:

«Сегодня ужасный день, в какой-то момент мне показалось, что все летит к черту. Так оно и случилось бы, если бы не мой храбрый Зейдлиц и не отвага правого фланга <...> Поверьте, мой друг, — они спасли и меня, и все королевство. Признательность моя будет жить столько же, сколь и добытая ими слава. Но я никогда не прощу эти прусские полки, на которые я так рассчитывал. Сии скоты удирали, как старые б...и, и мне было смертельно больно смотреть на это. Их охватил необоримый панический ужас. Сколь тяжело зависеть от такой толпы мерзавцев»⁴.

Фермор не проявил высоких дарований в этой битве, хотя в ожидании сражения и дал войскам тактическую инструкцию, содержащую ряд положительных моментов. Мы уделили ей столько внимания, потому что через год военная судьба приведет Александра Суворова под начальство Фермора, наш герой будет в его штабе в день великого сражения при Кунерсдорфе, когда русские вырвут военную победу и великую славу из рук Фридриха II. Там увидит молодой офицер, на пороге своего тридцатилетия, этих самых великолепных русских grenадеров и мушкетеров, которым еще за год до того отдали дань уважения их противники на поле Цорндорфа.

Но чем же занят Александр Суворов в этот боевой 1758 год? Он оказался привлечен к работе по снабжению нашей действующей армии продовольствием. Еще в 1757 г. его командировали в Курляндию с этой целью:

¹ Дельбрюг Г. История военного искусства. — СПб., 1997. — Т. 4. — С. 261.

² Рамбо А. Русские и пруссаки: История Семилетней войны / Пер. и коммент. Д. В. Соловьева. — М., 2004. — С. 136.

³ Там же. С. 137.

⁴ Там же. С. 140.

«Отряду генерала Фермора при операциях против Мемеля¹ было назначено довольствоваться из Либавского магазина, пополнявшегося из местных средств Курляндии, из складов в Риге и из Санкт-Петербурга, при посредстве торгового флота. От Либавы же до Мемеля провиант было приказано сплавлять по озеру до реки Гелии, откуда до осадного корпуса — транспортом из пятнадцати роспусков, предназначенных к постоянному движению между Будендинсгофом и расположением осадного корпуса. Эта операция возложена была на знаменитого впоследствии Суворова, бывшего тогда в распоряжении майора Гротенгейльма, заведывавшего этапным пунктом в Курляндии»².

Но выполнить это задание (и это редчайший случай в его военной биографии) Суворов не смог по объективным причинам:

«Факты показывают, что одновременно с движением отряда Фермора на соединение с главной армией действительно были приняты меры для доставки запасов из Мемеля в Тильзит; но несмотря на личное участие в этом деле Фермора, несмотря на то, что сплав запасов и тяжестей был поручен знаменитому Суворову, запасы “по неспособности реки” не могли быть доставлены из Мемеля в Тильзит, а к концу августа их доставили из Ковно»³.

На следующий 1758-й год Суворов продолжал состоять при формировании третьих батальонов в Лифляндии и Курляндии, по завершении их комплектации ему поручили в команду 17 сформированных батальонов, которые он препроводил в Пруссию, после чего был оставлен комендантом в Мемеле⁴. Здесь он снова занимался не только комендантской службой, но и вопросами снабжения нашей армии, так как город был важным складским и перевалочным пунктом. Из документов видно, что к началу марта в Либаве было приготовлено к отправке в Мемель 10 тысяч четвертей ржаной муки, а к 21 марта в Будендиденсгоф доставлена на подводах значительная партия муки и овса, почти целиком перенаправленная в Мемель⁵.

Думается, что на этой сложной службе Суворов делал все очень исправно, ибо 8 ноября 1758 г. «на основании рескрипта бывшего при Высочайшем дворе Конференции на имя генерал-фельдмаршала Бутурлина произведен в подполковники»⁶. Числился же он тогда в Казанском пехотном

¹ Современная Клайпеда в Литве.

² *Масловский Д. Ф.* Указ. соч. Вып. 1. С. 96.

³ Там же. С. 103.

⁴ *Суворов А. В.* Указ. соч. (изд. 1980 г.). С. 243.

⁵ *Масловский Д. Ф.* Указ. соч. С. 103.

⁶ *Суворов А. В.* Указ. соч. (изд. 1980 г.). С. 246.

полку. Вскоре жизнь сделала наконец поворот в желанном для него направлении: в 1759 г. Александр Суворов оказывается в действующей армии «при правлении дивизионного дежурства бессменно»¹, как говорится в его формулярном списке. Однако там не сказано, в каком месяце и какого числа это произошло. А эти календарные подробности необходимы, чтобы правильно понять скрытый механизм чинопроизводств и служебных перемещений Суворова-младшего.

Он пробыв в чине премьер-майора с 6 декабря 1756 г. по 8 ноября 1758 г., в боевых действиях не участвовал, выполнял, конечно, ответственные, но не исключительной важности поручения, и тем не менее был повышен в звании. После этого через несколько месяцев и без высочайшего повеления был переведен в действующую армию, но не на строевую, а на штабную должность в начальствующий дивизионный штаб. И это при том, что все, что мы знаем о его службе в гвардии, говорит об увлечении Суворова именно строевой службой. Вся совокупность перечисленных обстоятельств позволяет предположить следующее: быстрое продвижение в чинах без участия в боях не могло быть для него возможным без продолжения вмешательства отца. Однако, судя по всему, именно он не допускал единственного сына на поля сражений. Но, думается, Александр постоянно просил отца именно об этом, справедливо полагая, что лишь там сможет не только исполнить по-настоящему свой офицерский долг, но и быть счастливым, ибо дух его стремился не к богатству и власти, не к обладанию женщинами, ибо этого жаждет посредственность. Нет, он хотел быть охваченным пламенем сражения, ибо только оно поглощало его беспокойный дух без остатка.

Очевидно, в начале 1759 г. его очередной натиск на отца достиг такой силы, что старший Суворов решил пойти на определенную уступку: подполковника нашего перевели в действующую армию, но на ответственную штабную должность, которая не позволяла бы ему очертя голову лезть в самое пекло. Должность бессменного дежурного штаб-офицера при дивизионном штабе была именно таковой, а чин подполковника позволял занимать ее.

Как сам отмечал впоследствии наш герой, он оказался сперва под началом князя М. Н. Волконского, человека видного, перед Семилетней войной занимавшего пост русского посла в Речи Посполитой. Когда молодой Суворов вступил в эту должность и сколько времени в ней пробыв, нам, увы, неизвестно. Но достоверно то, что в конце весны 1759 г. он был переведен на точно такую же должность в гораздо более важный по значению штаб графа Фермора. Как это произошло — нам неизвестно, но можно предположить, что не без участия отца.

¹ Суворов А. В. Сборник документов. — М., 1949. — Т. 1. — С. 3.

Фермор был фигурой непростой. Сын русского генерала, происходившего из Шотландии, родился в Пскове в 1702 г. Всю жизнь прослужил в русской армии, во время войны с турками в 1735–1739 гг. был начальником штаба у фельдмаршала Б. Х. Миниха. Отличный инженер, он руководил строительством Зимнего дворца и ансамбля Смольного монастыря. В Семилетнюю войну после отрешения фельдмаршала Апраксина с октября 1757 г. по май 1759 г. стоял во главе нашей армии, теперь же, сдав ее П. С. Салтыкову, был оставлен в ней помощником главнокомандующего. Хотя его смещение было результатом секретного следствия, проведенного Конференцией, он все-таки оставался в армии и официально занимал в ней почетное по значимости место.

В отличие от Апраксина, Фермор всегда был привержен партии императрицы Елизаветы Петровны и в придворные интриги не вмешивался. Несмотря на все косвенные обвинения в покровительстве немцам и чуть ли не фридриховским шпионам, которые бросает ему Н. М. Коробков¹, этот же автор вынужден был признать:

«...несмотря на нерешительность главного командования, результаты действий русской армии имели громадное стратегическое и политическое значение. Прочная оккупация Восточной Пруссии давала базу для развития дальнейших наступательных операций к самой столице Фридриха; в то же время она ставила Россию в чрезвычайно выгодное положение при мирных переговорах»².

Что же касается обвинений в покровительстве пруссакам, то, думается, итог в этом вопросе «подбил» император Петр III, наградивший Фермора... отставкой 6 апреля 1762 г. Вот к какому военачальнику в штаб был определен Александр Суворов.

Когда прибыл он в действующую армию? Точной даты в формулярном списке нет, но в автобиографии сказано: «...был при занятии Кроссена в Силезии»³. Известно, что Кроссен был занят нашими частями 15 июля 1759 г.⁴ Значит, еще до этого числа наш герой уже находился в штабе князя Волконского, но 12 июля было сражение при Пальциге, которое он никак не упоминает. Отсюда можно предположить, что в тот день Суворова еще не было в строю. Зато 1 августа состоялась генеральная баталия при Кунерсдорфе, армия под предводительством Салтыкова сражалась с самим

¹ Коробков Н. М. Указ. соч. С. 205–208.

² Там же. С. 196.

³ Суворов А. В. Указ. соч. (изд. 2000 г.). С. 21.

⁴ Коробков Н. М. Указ. соч. С. 223.

Фридрихом II, и была одержана победа. О своем участии в ней и о должности в тот день Суворов пишет определенно:

«Отправляя должность генерального и дивизионного дежурного при генерале графе Вилиме Вилимовиче Ферморе, был на франкфуртской баталии и в разных партиях»¹.

Таким образом, он в течение двух недель переменял место службы, и переменял с повышением в должности, ибо в том месте, где написано о Волконском, рассказ более «скромный» и неконкретный:

«Был при занятии Кроссена в Силезии, под командою генерала князя Михаила Никитича Волконского»².

Такой обтекаемый текст дает возможность для разных толкований.

Сражение при Кунерсдорфе — это не просто битва, в которой русская армия разгромила непобедимого прусского короля. Фридрих II и до этого проигрывал. Дело даже не в том, что русские солдаты в этот день продемонстрировали, что морально они сильнее пруссаков, хотя это очень важно. Но еще важнее, что это первое сражение, которое увидел Суворов.

Оно должно было произвести на него сильнейшее впечатление, ибо это было то, к чему он готовил себя долгие годы, может, со дня прибытия в лейб-гвардии Семеновский полк, а может, и ранее. И это было не в мечтах, а наяву, и сразу же с первоклассным противником и под началом такого полководца. Такие дни, как этот, для развития способностей и таланта значат не менее, чем несколько лет обычной рутинной службы, а стоят и того больше.

До нас не дошло его воспоминаний или писем об этом дне, мы знаем лишь, что вместе с корпусом Фермора он находился на правом фланге русской позиции и, следовательно, в первую фазу боя мог «спокойно» наблюдать, как неприятельская пехота атакует сначала холм Мюльберг, а потом Большой Шпиц. Очевидно, Суворов увидел то же, что видел двумя годами ранее А. Т. Болотов в день Гросс-Егерсдорфа, — великолепную выучку прусской пехоты и стойкость русской:

«Первый огонь начался с неприятельской стороны, и нам все сие было видно. Пруссаки шли наимужественнейшим и порядочнейшим образом атаковать нашу армию. <...> Это было в первый раз, что я неприятельский огонь по своим одноземцам увидел. <...> Пруссаки, давши залп, не останав-

¹ Суворов А. В. Указ. соч. (изд. 2000 г.). С. 21.

² Там же.

ливаясь, продолжали наступать и, зарядивши на походе ружья и подошед еще ближе к нашим, дали по нашим порядочный другой залп всею своею первую линию. <...> Продолжая смотреть, увидели мы, что Пруссаки и после сего залпа продолжали наступать далее и на походе заряжали свои ружья, а зарядив оные и подошед гораздо еще ближе, дали по нашим третий преужасный залп <...> не успел неприятель третий залп дать, как загорелся и с нашей стороны пушечный и ружейный огонь, и хотя не залпами и без всякого порядка, но гораздо еще сильнее неприятельского. С сей минуты перестали уже и Пруссаки стрелять залпами. Огонь сделался с обеих сторон непрерывным ни на одну минуту, и мы не могли уже различать неприятельской стрельбы от нашей. Одни только пушечные выстрелы были отличны, а особливо из наших секретных шуваловских гаубиц, которые, по особливому звуку и густому черному дыму, могли мы явственно видеть и отличать от прочей пушечной стрельбы, которая, равно как и оружейная, сделалась с обеих сторон наижесточайшая и непрерывная»¹.

Мы увидели Гросс-Егерсдорфское сражение глазами офицера Архангелогородского полка, чей уровень образования и культуры несущественно отличался от уровня подполковника Суворова. Их различие лишь в том, что Болотов более никогда не рвался попасть в адский пламень битвы и постарался укрыться в безопасной тыловой кенигсбергской канцелярии, а Суворов наоборот — стремился вырваться из канцелярской духоты на свежий воздух поля сражения.

Если Болотов видел только смертельную опасность, источаемую огнем мушкетов и орудий, то Суворов увидел здесь прямое подтверждение верности того, чем он так полюбил заниматься на ротном плацу, правильность необходимости постоянных занятий офицера с солдатами, занятий, позволяющих добиться слаженности действий и высокой интенсивности огня. Это и был урок, преподанный ему прусской пехотой и хорошо им усвоенный. Но одновременно увидел он и другое, то, к чему инстинктивно прикоснулся в годы солдатства и что увлекло его душу: русский солдат любит учиться, если учение разумно, благодарен, если начальник хочет понять его солдатскую душу, и тогда стойкость его, помноженная на выучку, способна творить чудеса. Пехота наша, потеряв Мюльберг, удержалась на Большом Шпице.

В этот момент Салтыков начал переводить постепенно с правого фланга «пакетами» русские полки Фермора, подкрепляя ими войска Румянцева и Вильбуа, оборонявшие Большой Шпиц. Около трех часов дня пруссаками были взяты развалины Кунерсдорфа. Теперь они штурмовали Большой

¹ Рамбо А. Указ. соч. С. 76–77.

Шпиц. Атака велась на узком пространстве, построить правильные длинные линии было невозможно: приходилось атаковать узким фронтом, боевые порядки уплотнялись, в том числе и в глубину, до такой степени, что Салтыков в своей реплике прямо охарактеризовал его:

«...неприятель <...> сделав из всей своей армии колонну, устремился со всею силою сквозь армию вашего величества до самой реки продраться»¹.

Именно это видел Суворов, находясь рядом с Фермором на опоясанном дугой ружейного огня Большом Шпице. Но одновременно видел он, что противопоставили Румянцев, Салтыков и другие русские генералы:

«Но, наконец, сам Бог надоумил их (русских генералов. — *Примеч. авт.*) вместо опрокинутых и совсем уничтоженных поперечных коротких линий составить скорее другие, новые, таковые же, схватывая по одному полку из первой линии, а по другому из второй линии и составляя из них хотя короткие, но многие перемычки, выстраивая их одну подле другой, пред неприятеля»².

По словам Болотова, неприятель

«с неописанным мужеством напал на наши маленькие линии и их одну за другою истреблял до основания, однако, как и они, не поджав руки стояли, а каждая линия, сидючи на коленях, до тех пор отстреливалась, покуда уже не оставалось почти никого в живых и целых, то все же останавливало сколько-нибудь пруссаков и давало нашим генералам время хотя несколько обдуматься и собраться с духом; но трудно было тогда придумать какое-нибудь удобное средство к спасению себя и армии»³.

Так Александр Суворов увидел эффективность действия импровизированных в горячке боя пехотных колонн как для атаки укрепленных возвышенностей и прорыва «правильных», то есть растянутых «тонких» линий, так и для блокирования атаки теми же самыми колоннами. Пройдет почти сорок лет, и в 1796 г. эти колонны, уже не раз используемые так или иначе русскими, оживут под пером его и примут облик директивного наставления в бессмертной «Науке побеждать»:

¹ Семилетняя война. Материалы о действиях русской армии и флота в 1756–1762 гг. — М., 1948. — С. 487.

² Рамбо А. Указ. соч. С. 184–185.

³ Там же. С. 185.

«...Баталия в поле: линиею против регулярных, кареями против бусурман. Колонн нет. А может случиться и против турков, что пятисотному карею надлежать будет прорвать пяти или семитысячную толпу с помощью фланговых кареев. На тот случай бросится он в колонну <...> Есть безбожные, ветреные, сумасбродные французишки. Они воюют на немцев и иных колоннами. ЕСТЬЛИ БЫТЬ НАМ случилось против них, то надобно нам их бить колоннами ж!»¹

Наконец, последняя фаза сражения представила ему великолепный образец того, как нельзя и как должно использовать кавалерию в генеральном сражении. Не сумев взять Большой Шпиц с помощью пехоты, Фридрих II бросил в атаку свой последний резерв — великолепную прусскую кавалерию под командой прославленного Зейдлица. Этого нельзя было делать, пока не подавлены русские батареи на неприступном холме. Произошло то, что можно было предвидеть: пруссаки развернули фронт в виду русских позиций и понеслись на передовые окопы. Наш ружейный и артиллерийский огонь был убийствен: эскадроны смешались, и в это время им во фланг ударили два эскадрона русских кирасир Его Высочества и два эскадрона австрийских гусар, части Зейдлица были смяты, сам генерал ранен картечной пулей. Из-за нашего первого фланга появились русская легкая кавалерия Тотлебена и австрийская конница Лаудона. Все обратилось в бегство. Наступил конец сражения. Победа русских была полная.

Не впадая в излишнее преувеличение, мы можем предположить, что Кунерсдорф, во время которого наш герой не только присутствовал, но и отправлял предписания, как и положено генеральному дежурному, дал для военного образования Суворова, наверное, столько же, сколько несколько лет пребывания в военном училище. С той только разницей, что там тактику и стратегию изучают по книгам в тиши аудиторий, а здесь и урок, и экзамен одновременно проходят прямо под огнем — и пощады экзаменатор не дает.

Урок из всего происшедшего он извлек тут же. Согласно преданию, после сражения Суворов сказал Фермору: «На месте командующего я бы немедленно пошел на Берлин»². Молодому офицеру, не облеченному высокой ответственностью и политическими соображениями, можно было так сказать, командующему русской армией генерал-аншефу Салтыкову — нет. На него давил не только груз ответственности, но и сложившаяся практика ведения войны по законам стратегии измора. Однако молодой штабной офицер был не из тех, кто бросается хлесткими фразами, ни за что не от-

¹ Суворов А. В. Письма. — М., 1986. — С. 397–398.

² Масловский Д. Ф. Указ. соч. С. 28.

вечая: через 35 лет, в 1794 г., он, будучи командующим русскими войсками против «повстания» Тадеуша Костюшко, сможет претворить эту идею в жизнь, взяв Варшаву после разгрома неприятеля под Брестом-Литовским. Так, по нашему мнению, соотносятся сражение при Кунерсдорфе и полководческая судьба Александра Васильевича Суворова.

Но через пять месяцев в его служебной судьбе снова произошел крутой поворот: по высочайшему повелению, объявленному Военной коллегии, он был «назначен из подполковников Казанского пехотного полка обер-кригс-комиссаром» 31 декабря 1759 г.¹ Чья здесь просматривается воля, нетрудно догадаться. Но вкусив единожды от пищи бранной, он больше не пожелал отказываться от этого яства. Очевидно, в следующие два месяца предпринял он отчаянную и последнюю атаку на отца, возможно, что поддержку оказал ему Фермор. Так или иначе, 25 февраля 1760 г. был Александр Суворов

«по высочайшему повелению, вследствие изъявленного им желания, обращен по-прежнему в полк (Казанский пехотный) при заграничной армии [в Пруссии] бывший»².

И теперь навсегда.

Он снова был определен к генералу Фермору, а так как 19 февраля 1760 г. фельдмаршал Салтыков прибыл в Петербург, то граф Фермор был назначен временно исполнять его обязанности, а Суворов стал генеральным дежурным не в штабе корпуса, но по штабу русской армии. Быть может, Василий Иванович, зная об этих служебных пертурбациях, согласился со страстным желанием сына, ибо новая должность открывала перед ним двери к скорейшему производству в полковники. Так или иначе, но теперь он оказался в самом сердце управления всей действующей армией.

От этого периода в карьере Суворова осталось девять приказов из Генерального дежурства главнокомандующего армией Фермора с подписью нашего героя. Это документы хозяйственного и дисклокационного характера³. Но они относятся к осени 1760 г., а точнее, ко времени с 10 сентября по 27 октября, то есть к тому моменту, когда русские войска заняли столицу Прусского королевства — славный город Берлин.

Об участии Александра Суворова в этом лихом, но непродолжительном (всего войска наши пробыли в городе менее двух суток) набеге нам ни-

¹ Суворов А. В. Документы. — М., 1950. — Т. 1. — С. 4.

² Там же.

³ Там же. С. 57–63 (№ 4–13).

чего не известно, кроме одного факта: при занятии Берлина среди прочих заложников наши казаки захватили красивого мальчика:

«Суворов взял его к себе, заботился о нем в продолжение всего похода и, по прибытии на квартиры, послал вдове, матери мальчика, письмо такого содержания: «Любезнейшая маменька, ваш миленький сынок у меня в безопасности. Если вы захотите оставить его у меня, то он ни в чем не будет терпеть недостатка, и я буду заботиться о нем как о собственном сыне. Если же желаете взять его к себе, то можете получить его здесь, или напишите мне, куда его выслать»¹.

Само по себе это письмо говорит о человеколюбии и добром сердце автора. Но был ли сам он в Берлине? Из документов, собранных Д. Ф. Масловским², известно, что 28 сентября, в день занятия Берлина русскими войсками, наши главные силы под началом Фермора у Франкфурта-на-Одере соединились с корпусом Румянцева. В тот же день стало известно, что Фридрих II спешит на помощь своей столице, и генерал-поручик Чернышев, руководивший операцией, получил от Фермора и от выздоровевшего фельдмаршала Салтыкова приказ отступить на соединение с главными силами. А так как Суворов был важным лицом в штабе у Фермора, то навряд ли он покидал штаб ради посещения Берлина. В автобиографии он ничего не пишет об участии в этом набеге, молчит об этом и формулярный список полководца. Скорее всего, мальчика он выкупил у казаков, когда легкие войска, отягощенные берлинскими трофеями, соединились с главной армией.

Последний известный нам приказ из Генерального дежурства армии с подписью подполковника Суворова относится к 27 октября 1760 г., когда командование уже принял граф А. Б. Бутурлин. Как складывалась служба героя нашего под его началом, точно неизвестно. Можно предположить лишь одно: Суворов желал быть в действующей части и сумел познакомиться с генерал-майором Г. Г. Бергом, командовавшим после ареста предателя графа Г.-Г. Тотлебена нашей легкой конницей. Следствием этого знакомства стал приказ графа Бутурлина в начале сентября 1761 г.:

«...так как генерал-майор Берг выхваляет особливую способность подполковника Казанского пехотного полка Суворова, то явиться ему в команду означенного генерала»³.

¹ Петрушевский А. Ф. Указ. соч. С. 26–27.

² Масловский Д. Ф. Указ. соч. С. 349–350.

³ Петрушевский А. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 28.

Все, прощай служба штабная, здравствуй вольный ветер полей, свист пуль и разрывы картечи отныне и навсегда. Всего шесть месяцев провел он в «легких» войсках, но зато каких. Через день поиски, сшибки, бои с неприятелем. При этом если приказ Бутурлина относится к сентябрю, то из формулярного списка следует, что при корпусе генерала Берга Суворов состоял уже в июле и сражался:

«...под Бригом при Бреславской кононаде; в августе в продолжавшемся чрез целый день с королем Прусским близ монастыря Валштата при деревнях Грос и Клейн Вандрис сражении и потом при самом том Валштате под городом Швейдницом при занятии легкими войсками в разные времена Штригафских, Пичберских и Готспозерицких гор, с знатным неприятельским уроном»¹.

В автобиографии 1790 г. эти бои были описаны в мельчайших подробностях и заняли три страницы, превосходящие по объему текста формуляр раз в шесть². И это по прошествии 30 лет! Вряд ли в молдавском селе были у него все необходимые бумаги, значит, опирался он на память, хранившую воспоминания о первой войне.

На что только не способна память человеческая. Вполне понятно, что не мог он забыть эпизод со взятием городка Гольнау в Померании в начале октября:

«...в ночи прусский корпус стал за Гольнов³, оставя в городе гарнизон <...> я с одним гренадерским баталионом атаковал ворота, и, по сильном сопротивлении, вломились мы в калитку, гнали прусский отряд штыками чрез весь город за противные ворота и мост до их лагеря, где побито и взято было много в плен: я поврежден был контузиєю в ногу и в грудь картечами; одна лошадь ранена подо мной»⁴.

Запомнил и фамилию гусарского майора — Подчарли, ведь это был его первый пленный штаб-офицер.

В описании же боя 20–21 ноября между Регенвальдом и Кельцами язык Суворова становится экспрессивен, воспоминания захватывают его:

«Осенью в мокрое время, около Регенвальда, генерал Берг с корпусом выступил в поход; регулярная конница его просила идти окружную, гладкою, дорогою; он взял при себе эскадрона три гусар и два полка казаков

¹ Суворов А. В. Документы. — Т. 1. — С. 3.

² Там же. С. 34–36.

³ Гольнау.

⁴ Суворов А. В. Документы. — Т. 1. — С. 35.

и закрывал корпус одадь справа; выходя из лесу, вдруг увидели мы на нескольких шагах весь прусской корпус, стоящий в его линиях; мы фланкировали его влево; возвратившийся офицер донес, что впереди, в большой версте, незанятая болотная переправа мелка; мы стремились на нее; погнались за нами первее прусские драгуны на палашах, за ними гусары; достигши до переправы, приятель и неприятель, смешавшись, погрузили в ней почти по луку¹; нашим надлежало прежде насухо выйти; за ними вмиг — несколько прусских эскадронов, кои вмиг построились; генерал приказал их сломить. Ближний эскадрон был слабой желтой² Свацеков; я его пустил; он опроверг все прусские эскадроны обратно, опять в болото...»³.

В нескольких словах описывает Суворов и картину глухой осени, и воинский талант Берга: пошел не по безопасной, дальней, а по неудобной, через лес, дороге, но зато вовремя прикрыл фланг корпуса от изготавливавшегося уже неприятеля.

Но остановиться на этой картине генерал наш уже не может, он просто обязан поведать о подвиге сербских гусар:

«...через оное ... нашли они⁴ влеве от нее суше переправу; первой их полк перешел драгунской Финкенштейнов, весьма комплектной⁵; при ближних тут высотах было тут отверстие на эскадрон, против которого один Финкенштейнов стоял; неможно было время тратить; я велел ударить стремглав на полк одному нашему сербскому эскадрону; оного капитан Жандр бросился в отверстие на саблях; Финкенштейновы дали залп из карабинов; ни один человек наших не упал; но Финкенштейновы пять эскадронов в мгновение были опровержены, рублены, потоптаны и перебежали через переправу назад»⁶.

Другой бы рассказчик на этом поставил точку. Но не Суворов: он весь охвачен горячкой боя:

«Сербской эскадрон был подкрепляем одним венгерским, которой в деле не был; Финкенштейновы были подкрепляемы, кроме конницы, батальонами десятью пехоты; вся сия пехота — прекрасное зрелище — с противной черты, на полувыстреле, давала по нас ружейные залпы; мы почти

¹ То есть почти по луку седла.

² Желтые гусары, по цвету доломанов; полк этот был на вербован из грузин.

³ Суворов А. В. Документы. — Т. 1. — С. 36.

⁴ Пруссаки.

⁵ То есть почти полного состава 600–700 человек, в то время как наши гусарские эскадроны явно насчитывали по 100–150 человек.

⁶ Суворов А. В. Документы. — Т. 1. — С. 36.

ничего не потеряли, от них же, сверх убитых, получили знатное число пленников; при сих действиях находились их лучшие партизаны, и Финкенштейновым полком командовал подполковник и кавалер Реценштейн, весьма храброй и отличной офицер; потом оставили они нас в покое»¹.

Этот текст был написан либо надиктован через год после победы при Рымнике, за полтора месяца до штурма Измаила. Само описание боя в тексте первого тома «Документов» занимает чуть менее страницы. Всего один боевой день глухой осени 1761 г., но уже здесь есть все «три воинских искусства»: глазомер, быстрота, натиск. А ведь до «Науки побеждать» еще пять лет.

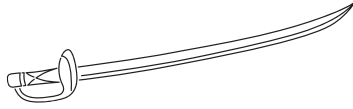
На этом эпизоде заканчивал рассказ об участии в войне с Фридрихом II великий Суворов. Вместо эпилога приведем отрывок из реляции от 24 ноября 1761 г. генерал-поручика Румянцева, будущего героя Кагула, императрице Елизавете Петровне:

«Я, при сем случае обоих: полковника Зорича и подполковника Суворова оказанную храбрость и доброе распоряжение в приводстве, по справедливости, вашему Императорскому Величеству в Высочайшее благоволение рекомендовать дерзновение приемлю»².

¹ Суворов А. В. Документы. — Т. 1. — С. 36.

² Там же. С. 70.

Глава пятая

КОМАНДИР ПОЛКА

Не знаю, успела ли тяжелобольная государыня прочесть реляцию своего доблестного генерала, но ранним утром 25 декабря 1761 г. она умерла. Ее не стало на Рождество, и в этом можно было видеть добрый знак, указующий, куда отправилась ее бессмертная душа. Дела же для России и Суворова стремительно принимали бурный оборот.

Казалось бы, еще три недели назад были все основания уверенно смотреть в будущее: после пятой за четыре года осады 5 декабря (старый стиль) наконец капитулировал Кольберг в Померании, важный пункт на берегу Балтики, полгода с успехом осаждавшийся Румянцевым. Теперь у Фридриха II из всех его владений оставался только Бранденбург с Берлином — и крах прусской монархии представлялся неизбежным. Но смерть императрицы вырвала столь близкую победу из рук России.

Новый император Петр III, племянник Елизаветы Петровны, родной внук Петра Великого, внучатый племянник Карла XII, немедленно решил заключить мир с обожаемым им Фридрихом II. Увы, он не обладал ни величием души первого деда, ни храбростью второго. Человек поверхностного ума, слабохарактерный, он слепо преклонялся перед королем прусским. Не обладая ни одним из его положительных качеств, Петр III чаще всего бездумно старался копировать его, не понимая источников значимости этого государя и полководца. Войну с ним он считал несправедливой и преступной. А потому стремился не только заключить мир, но и отстранить от дела слишком ретивых слуг покойной тетки. Это обстоятельство немедленно обратилось против отца и сына Суворовых.

С декабря 1760 г. Василий Иванович был генерал-губернатором оккупированной Восточной Пруссии. Вообще карьера его в эти годы шла хорошо: он оставался генерал-поручиком, 20 апреля 1760 г. был назначен главным полевым интендантом нашей действующей армии, в июне того же года награжден орденом Святого благоверного князя Александра Невского (тогда второй по старшинству российский орден), а 16 августа назначен

сенатором. И вот теперь — важнейший пост в Кенигсберге. Его прислали в целях прекращения режима налогового, таможенного и податного покровительства прусскому населению, практиковавшегося при прежних генерал-губернаторах — Ферморе и Корфе. И действительно, Суворов-отец круто взялся за сбережение и пополнение государственной казны за счет пруссаков. Результатом его неусыпных трудов явились три сенатских указа о перечеканке и чеканке серебряных прусских монет, приносящей прибыль русским финансам¹, а также указ об отмене привилегированного таможенного тарифа 1724 г. для торговли Пруссии с Бранденбургом. Теперь пошлины взимались в доход русской казны². Естественно, что такие меры вызвали у кенигсбергских фабрикантов и купцов отнюдь не восторг, а поток жалоб, оставленный Конференцией без внимания, ибо она вполне справедливо полагала, что завоеванная провинция должна приносить России доход, а не вводить ее в дополнительные убытки.

Неудивительно, что уже через два дня по восшествии на престол, 27 декабря 1761 г., Петр III повелел отставить В. И. Суворова с поста прусского генерал-губернатора, а граф Салтыков, снова по его распоряжению ставший главнокомандующим, уже 4 января 1762 г. предписал генерал-поручику П. И. Панину сдать немедленно дивизию и отправиться в Кенигсберг принимать дела у В. И. Суворова³.

При таких обстоятельствах производство А. В. Суворова в полковники, а тем более назначение его командиром какого-нибудь кавалерийского полка становилось маловероятным. Напомним, что во главе Тверского драгунского он состоял только временно, пока тяжело болел его командир полковник де Медем. Ничего удивительного в такой перемене фортуны нет, ибо в те славные времена производство в новый чин или назначение на должность делалось по большей части по протекции, а если чин и должность были высоки, то исключительно по ней. Вспомним, как быстро продвигался он в 1756–1759 гг. в чинах, не быв еще ни единого дня под огнем. Теперь же, когда служебная судьба его отца оказалась под очень большим вопросом, нужно было обладать не просто храбростью, но мужеством, чтобы настаивать на воздаянии оказанных молодым Суворовым боевых заслуг.

Однако такой мужественный человек все же нашелся — это был все тот же Румянцев. Пользуясь благосклонным отношением нового государя, он

¹ Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ РИ). — Т. XV, № 11170, 15 XII, 1760. С. 587. Там же. № 11188, 17I, 1761. С. 629. № 11245, 2V, 1761. С. 701–702.

² Там же. № 11284, 20VI 1761. С. 737–739.

³ *Масловский Д. Н.* Указ. соч. С. 529.

осмелился в реляции ему от 8 июня 1762 г. рекомендовать к производству Александра Васильевича:

«...как он всех состоящих в корпусе моем подполковников старше, да и достоин к повышению в полковники, <...> однако почти во все минувшие кампании <...> употребляем был к легким войскам и к кавалерии <...> и склонность и привычку больше к кавалерии, нежели к пехоте получил <...> всеподданнейше осмеливается испросить из Высочайшей Вашего императорского величества милости его, Суворова, на состоящую в кавалерийских полках ваканцию в полковники всемилостивейше произвести»¹.

Какова была реакция императора — неизвестно, но мы знаем, что до дворцового переворота, лишившего его короны, оставалось всего восемнадцать дней.

Причудливой волею Фортуны судьба нашего героя сопрягалась со злощастным Петром III. Кажется, что не было еще в истории российской государя, который бы делал все так необдуманно, а зачастую просто глупо, что все его поступки обращались бы против него. Поведение его чаще всего было недостойно царского сана. Вот что вспоминал о нем Болотов, видевший его часто в роковую весну 1762 г.; по долгу службы постоянно посещал он императорский двор и отчаянно скучал в ожидании принцепала, генерал-полицмейстера барона Корфа:

«...имели только ту отраду и удовольствие, что могли всегда в растворенные двери слышать, что государь ни говорил с другими, а иногда и самого его и все деяния видеть. Но сие удовольствие было для нас удовольствием только сначала, а впоследствии времени скоро дошло до того, что мы желали уже, чтобы разговоры до нашего слуха и не достигали; ибо редко стали уже мы заставлять государя трезвым и в полном уме и разуме, а всего чаще уже до обеда несколько бутылок аглинского пива, до которого был он превеликий охотник, уже опорознившим, то сие и бывало причиною, что он говаривал такой вздор и такие нескладицы, что при слушании оных обливалось даже сердце кровью от стыда перед иностранными министрами, видящими и слышащими то...»²

Однако даже не личное поведение императора вскоре стало вызывать всеобщее нареkanie, а его внешняя политика:

«...около сего времени ропот на государя и негодование ко всем деяниям и поступкам его, которые чем далее, тем становились хуже, не только во

¹ Суворов А. В. Документы. — Т. 1. — С. 71.

² Болотов А. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 118.

всех знатных с часу на час увеличивалось, но начинало делаться уже почти и всенародным, и все, будучи крайне недовольными заключенным с пруссаками перемирием и жалея об ожидаемом потере Пруссии, также крайне негодуя на беспредельную приверженность государя к королю прусскому, на ненависть и презрение его к закону <...> а паче всего на оказываемое отчасу более презрение ко всем русским и даваемое преимущество перед ними всем иностранцам, а особливо голштинцам, — отважились публично и без всякого опасения говорить, и судить, и рядить все дела и поступки государевы»¹.

Можно представить, как были удивлены и оскорблены многие из присутствовавших 10 мая 1762 г. на торжественном обеде во дворце по случаю заключения мира с Пруссией:

«...государь, опорожнив, может быть, во время стола излишнюю рюмку вина и в энтузиазме своем к королю прусскому дошел даже до такого забвения самого себе, что публично, при всем великом множестве придворных и других знатных особ и при всех иностранных министрах, стал перед портретом короля прусского на колени и, воздавая ему непомерное уже почтение, назвал его своим государем; происшествие, покрывшее всех присутствующих при том стыдом неизъяснимым... молва о том на другой же день разнеслась по всему Петербургу и произвела в сердцах всех россиян и во всем народе крайне неприятное впечатление»².

Сам Болотов в тот день уклонился от дежурства во дворце, но зато с тысячами других петербуржцев увидел фейерверк, посвященный заключению мира. Его картина говорила сама за себя:

«Был он огромный и стоящий много тысяч. Главнейшие его фитильные щиты воздвигнуты были на берег Васильевского острова, против дворца и окон самой той залы, где отправлялось тогда торжество. Впереди, против сих щитов, поделаны были другие движущиеся колоссальные фигуры, изображающие Пруссию и Россию, которые, будучи сдвигаемы по склизам и загоревшись, сходились издалека вместе и, схватившись над жертвенником руками, означали примирение. Не успело сего произойти, как произошло вдруг на сем месте пальмовое³ дерево, горевшее наипрекраснейшим зеленым и таким огнем, какого я никогда до этого не видывал. А вслед за сим выросли тут же и многие другие такие же деревья и составили власно как амфитеатр кругом сего места»⁴.

¹ Болотов А. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 123–124.

² Там же. С. 140–141.

³ Пальма — символ мира.

⁴ Болотов А. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 141–142.

Конечно, Петр III мог себя тешить подобными аллегориями, но по Петербургу вследствие его поведения, заключения совершенно невыгодного мира с Фридрихом II и решения примкнуть к нему против недавних союзников наших, а также намерения объявить войну Дании, давнему союзнику России, из-за совершенно чуждой нам Голштинии, — из-за этого всего:

«...все еще сносный и сокровенный народный ропот увеличился тогда вдруг скорыми шагами и дошел до того, что сделался почти совершенно явным и публичным. Все не шептали уже, а говорили о том, въявь и ничего не опасаясь, и выводили из всего вышеописанного такие следствия, которые всякого утратить и в крайнее сумнение о благоденствии всего государства повергать в состояние были»¹.

Посреди всей этой политической смуты сама судьба удерживала Александра Суворова вдали от столицы, при действующей армии, оберегая его честь от необходимости делать выбор между долгом патриота и присягой на верность государю. Вместо него в политический омут с головой окунулся его отец. Отрешенный от генерал-губернаторства в Кенигсберге, он весной того же 1762 года был назначен на такой же пост в Тобольске. Было ли это рутинное служебное перемещение или завуалированная почетная ссылка, мы уже никогда не узнаем. Могло показаться, что сама судьба влечет его к месту, с которого четверть века назад начался его карьерный рост, но, проявив необычайную бюрократическую гибкость, Василий Иванович сумел уклониться от двусмысленного назначения, остался в столице и активно примкнул к заговору, целью которого было свержение незадачливого Петрова внука и возведение на престол Екатерины.

В день, круто изменивший судьбу Отечества, В. И. Суворов был среди приближенных и конфидентов Екатерины. После взятия власти в столице ему было поручено с отрядом гусар арестовать в Ораниенбауме голштинскую гвардию свергнутого императора, с чем он отлично и справился. На него же возложили обязанности по ее расформированию и ликвидации. Проведя эту операцию быстро и четко, Суворов-старший сумел еще и сэкономить из семи тысяч рублей, отпущенных на дело, целых три тысячи. Екатерина II, всегда ценившая слуг усердных и честных, пожаловала ему эти деньги в награду. За верность ей лично В. И. Суворов сразу получил почетное звание премьер-майора родного ему лейб-гвардии Преображенского полка. Это была высокая почесть, теперь и он, и сын его оказывались в кругу служилой знати окончательно и бесповоротно. Практически это был «патент» на столбовое дворянство.

¹ Болотов А. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 147.

Через две недели именным указом он был назначен членом учрежденной «при Высочайшем Дворе Военной Комиссии для рассмотрения артиллерийских штатов»¹ и должен был заседать в ней рядом с бывшим главным командующим действующей армией генерал-фельдмаршалом Бутурлиным и генерал-фельдцейхмейстером² Вильбоа. Все эти события, произошедшие столь стремительно, снова наполнили ветром успеха паруса фортуны Александра Суворова.

События развивались так: новая государыня не доверяла Румянцеву, слишком, по ее мнению, обласканному Петром III, и тут же отстранила его от командования армией, стоявшей в Восточной Пруссии. Уже 8 июля 1762 г. его сменил отличившийся в истекшую войну генерал-аншеф граф П. И. Панин, брат одного из лидеров заговора, возведшего ее на престол. Он стал готовить армию к возвращению в Россию. В середине августа войска выступили, и, опережая их, с депешами о начале похода и о положении дел во вверенных войсках в Петербург поскакал подполковник Суворов. Выбор его в качестве курьера вполне понятен: ему можно всецело доверять и как отличному офицеру, и как сыну человека, активно поддерживавшего новую императрицу в борьбе за престол вместе со своим старшим братом графом Никитой Ивановичем. Однако есть в этой командировке и скрытый карьерный смысл: с таким поручением обычно посылали офицера, которому протезировали, с целью дать ему возможность быть лично представленным монарху, который за подобную миссию не заставит долго ждать награды. В этом случае не только счастливая прихоть судьбы, но и справедливость были на стороне нашего героя: он действительно, как видели мы из реляции графа Румянцева, давно заслуживал награды.

Уже 26 августа, едва прибыв в столицу, Александр Суворов поспешил во дворец. Он успел выслушать наставления отца, как надо вести себя на высочайшем приеме. Передав депеши через статс-секретаря, он был немедленно приглашен государыней в кабинет, где в беседе с глазу на глаз ответил на все ее вопросы о положении дел и о духе, царящем в возвращающихся войсках. Екатерина, судя по всему, осталась довольна и депешами, и разговором с гонцом, ибо в тот же день ее именным указом, данным Военной коллегии, был он пожалован в полковники³, а 31 августа стал командиром Астраханского пехотного полка⁴. Свершилось! Теперь он командир — и командир полноправный.

¹ ПСЗРИ. — Т. 16. — № 11605. — С. 12.

² Генерал-фельдмаршал от артиллерии.

³ Суворов А. В. Документы. — Т. 1. — С. 4.

⁴ Там же.

Полк этот Суворов получил не случайно. Астраханский пехотный в это время входил в состав переменной части столичного гарнизона. Так как Петербург за шестьдесят лет своего существования значительно вырос, то для несения караульной службы четырех полков гвардии было явно недостаточно. Поэтому ежегодно в столице дополнительно располагалось несколько армейских полков, в те дни среди них был и Астраханский. Сейчас, когда власть была взята, но еще недостаточно окрепла, было жизненно важно, чтобы стоящие в столице полки возглавлялись верными командирами. Сын В. И. Суворова в глазах императрицы был, несомненно, таковым.

До весны 1763 г. он был во главе астраханцев, подробности этого периода нам неизвестны, но надо думать, что Александром Суворовым были довольны и его начальство, и императрица, ибо когда весной 1763 г. пришел срок полку покинуть столицу, она пожелала, чтобы полковой командир остался и принял идущий на смену астраханцам Суздальский пехотный полк, о чем и последовал указ от 6 апреля 1763 г. Может, здесь сказались и значимость для государыни службы В. И. Суворова: в этот момент он по ее личному поручению руководил следствием по делу Ф. А. Хитрово и его сотоварищей, протестовавших против предполагаемого брака Екатерины II с князем Г. Г. Орловым.

«Хитрово был один из самых бескорыстных заговорщиков¹, — вспоминала Е. Р. Дашкова, — с гордостью заявил, что первый бы вонзил шпагу в грудь Григория и готов скорее сам пойти на смерть, чем жить с унижительной мыслью, что революция послужила лишь опасному для родины возвышению Григория Орлова»².

Нам во всяком случае одно ясно: Суворов-младший был для Екатерины II офицером, на преданность которого в это тревожное время можно было вполне положиться. Но все на этом свете проходит, прошла и тревожная весна 1763 г. Планы Орлова и его братьев о браке Григория с государыней не реализовались, следствие по делу Хитрово было закончено без серьезных наказаний для его участников, авторитет В. И. Суворова в глазах императрицы остался по-прежнему высок, а Александр Васильевич дождался в середине июня прихода суздальцев в столицу и принял полк. На шесть лет он стал его полноправным хозяином.

¹ Участники государственного переворота 28 июня 1762 г., возведшего Екатерину II на русский престол.

² Путь к трону. История дворцового переворота 28 июня 1762 г. — М., 1997. С. 247–248.

Нет, это не оговорка: в те времена полковой командир был почти бесконтрольным хозяином у себя в полку. От него почти целиком зависела судьба любого офицера, не имевшего протекции в Петербурге; он практически самовластно и зачастую с пользой для своего кармана распоряжался полковой казной, равно как и использованием солдат и их труда. Нередки, увы, были случаи «обращения» рекрутов в крепостных крестьян. А чего стоили махинации с суммами, отпускаемыми на «построение» мундиров и сапог, на закупку овса, ячменя и сена для конского состава! К сожалению, из песни слов не выкинешь.

Но были и честные полковники, действительно рачительные хозяева, радевшие о доверенной им части. Именно таким и был наш герой. Все последующие тридцать три года пребывания на различных командных должностях, вплоть до отставки и опалы при императоре Павле I, к рукам его не прилипло ни единой казенной копейки, из солдатского котла не было украдено ни фунта мяса или крупы. Неслучайно «солдатики» любовно называли его «батюшка» и «отец наш Александр Васильевич». Он-то и был образцовым «отцом-командиром». И началось это еще в Астраханском полку.

Полк квартировал в юго-западной части Васильевского острова, вместо казарм были большие деревянные избы. Суворов прилагал все усилия для благоустройства, желая и нормализовать, и облегчить солдатский быт, а заодно создать условия для проживания офицеров на полковом подворье, чтобы они не отрывались от своих солдат чрезмерно. Другой заботой его было обучение суздальцев, занятия по строевой и боевой подготовке. Время и усердие были вознаграждены: летом 1763 г. сама государыня прибыла в полковой лагерь и присутствовала на учении. Она осталась очень довольна: в награду офицеры были «пожалованы к руке», а солдатам выдали по серебряному рублю, сумму по тем временам немалую.

С наступлением зимы 1763/1764 гг. забот у полкового командира убавилось и появилось свободное время. Именно к нему и относится первое дошедшее до нас собственноручное письмо Александра Суворова. Писано оно на французском и адресовано... даме. Это была Луиза Францевна Кульнева, урожденная Гребениц. История их знакомства в духе того славного времени: в меру романтична, в меру сентиментальна и несколько авантюристична.

Во время командования Тверским драгунским полком осенью 1761 г. имел наш герой под своим командованием среди прочих удалых драгунских офицеров и прапорщика Петра Кульнева. Он полюбил добродетельную девицу Луизу, и взаимно. Так как ее отцу, господину Ф. Гребеницу, как мужчине положительному, по-немецки основательному и практичному, сентиментальностей было недостаточно, то Суворов, как старший товарищ и полковой

командир, вполне сочувствуя сердечной склонности симпатичного ему подчиненного, весьма посодействовал их счастью, уверив обеспокоенного папашу в порядочности и серьезности намерений лихого прапорщика. Терзания любящих сердец увенчались законным браком, и возвращаясь с войны, Петр Кульнев привез с собой наилучший из возможных трофеев — любящую и любимую жену. Гребениц-отец настолько очевидно проникся уважением и доверием к командиру Тверского полка, что письма в далекую Россию к любимой дочери адресовал на его адрес, как это видно из текста суворовского письма. К сведению же любопытных читателей спешим сообщить, что союз сей брачный не остался бесплоден и в 1763 г. у молодой четы родился сын Яков, которому предстояло стать лихим гусарским офицером, прекрасным кавалерийским генералом, «идолом» русской кавалерии начала XIX в., воспетым бессмертным Денисом Давыдовым и павшим смертью храбрых 19 июня 1812 г. в бою при Клястицах. О гибели его с сожалением отозвался в письме к императрице Жозефине сам Наполеон.

Для нас же это письмо ценно тем, что дает возможность услышать голос героя и увидеть его вне служебных и боевых будней, да еще в ту пору, когда личность его и будущее скрыты от современников толщей русского офицерства, в рядах которого он до поры до времени пребывал:

«...Приезжайте сюда. Три-четыре раза в неделю в маскараде будете да два-три раза в театре. Бываю и я, коли здоровье позволяет: в постели не лежу, в четырех стенах не сижу, да, на горе мое, прекрасная невская вода так мне желудок расстроила, что оный супротив меня беспрестанно бунтует, а от здешнего воздуха развелась в нем бездна паразитов, кои меня вконец измучили. Головные и грудные боли не оставляют.

Je suis maigre, acharne, comme ane sans etable,
Papeil en tout a un szuelette veritable
Ou a une ombre rampante dans la nature des airs,
Comme un navire foible englouti par les mers.
(У меня остались кожа да кости,
Я зол, подобен ослу без стойла,
Всем похож на настоящий скелет
Либо тень, скитающуюся в небесах;
Я точно беспомощный, тонущий в водах корабль.)

Чую приближение смерти. Оная меня со свету потихоньку сживает, но я ее презираю, позорно умереть не желаю, а желаю встретить ее только на поле сражения. Но более всего желал бы я, чтобы Вы были здоровы и, в свою очередь, написали мне о себе...»¹

¹ Суворов А. В. Письма. — М., 1986. — С. 7.

Согласитесь, здесь раскрывается перед нами живой, а не хрестоматийный Суворов. Он может быть любезен со знакомой женщиной, он тяжело болеет, он борется с болезнью, как до того с пруссаками, он бывает в театре и маскарадах. Он пишет вирши, да еще и по-французски!

Да, он уже своеобразен. Взгляните хотя бы на план летнего лагеря полка в 1764 г. на Васильевском острове. Против обычного перед полковой стоянкой Суворов приказал построить два полевых редана для обучения солдат штурму полевых инженерных сооружений, что вполне могло случиться в непредсказуемой боевой практике¹. А ведь это стоянка в столице. Чего же можно ожидать от такого командира, когда полк его будет выведен «на свободу», в провинцию? Такой момент вскоре настал: Суздальский полк покинул Петербург в октябре 1764 г. и отправился на место постоянных квартир в Новую Ладогу.

Маленькому городу Новгородской губернии предстояло на четыре года стать не просто стоянкой Суздальского пехотного полка, а рабочим кабинетом Суворова, из которого мало кому пока известный полковник выйдет в путь на главную магистраль русского военного искусства.

Еще в столице начал он работать над инструкцией по организации службы и воинского обучения в своем полку, по нему он дал ей, завершая ее в Новой Ладоге, и имя — «Суздальское учреждение». В ней отразились его взгляды на воспитание и обучение солдата, на его боевую подготовку. Как командир полка, он рассматривал ее в качестве дополнения к новому уставу пехоты, разработанному Воинской комиссией и введенному 12 марта 1763 г. как «Строевой устав в пехотной экзерциции».

Идейное ядро «Суздальского учреждения» состоит в тесном единении строевой и боевой подготовки. Строевая подготовка, по его мнению, не самоцель, а средство превратить рекрута в солдата, придав ему «смелой и военной вид <...> исправность, поворотливость и бодрость»². Поворотливость нужна для красоты плац-парадных «балетов», но Суворов видел на поле Кунерсдорфа и позднее, как эта самая поворотливость позволяла великолепной прусской пехоте вести убийственный огонь по нашим полкам. А значит, чтобы сравняться с бранденбургскими и померанскими гренадерами, чтобы превзойти их, надо обучиться «поворотливости», чтобы уметь быстро перестраиваться из походной колонны в атакующие линии, а линиям, быстро и в стройном порядке делая пол-оборота вправо либо влево, — разворачиваться навстречу противнику, атакующему во фланг. Умение быстро-

¹ Меерович Г. В., Буданов Ф. В. Указ. соч. С. 103.

² Суворов А. В. Документы. — Т. 1. — С. 86.

го перестроения было залогом силы огня и силы удара прусской пехоты, и Суворов решил научить ему русских солдат ради будущих побед над любым врагом России. Об этом он впоследствии писал:

«По данному в полк моему учреждению, экзерцирование мое было не на караул, на плечо¹, но прежде всего повороты, потом различное марширование, а потом уже приемы, скорый заряд и конец — удар штыком. Каждой шел через мои руки, и сказано ему было, что более ему знать ничего не осталось, только бы выученное не забывал. Так был он на себя и надежен, основание храбрости!»²

При таком внутреннем мотиве обучения экзерцирование не самоцель, а средство. Тогда понятен и смысл его наставления из «Учреждения»:

«...ничто же так не приводит в исправность солдата, как его искусство в экзерциции, в чем ему для побеждения неприятеля необходимая нужда. Для того надлежит ему оной обучену быть в тонкость...»³.

Не меньше внимания уделено соединению экзерциции с использованием правильной огневой силы пехоты. Но при этом не сводить ее лишь к хорошо организованной пальбе:

«Пехоту, хотя скорому заряжанию приучать, тако ж и поспешной плутоножной⁴ пальбе, но весьма оной в памяти затверживать, что же чиниться для одной только проворности исправного приклада⁵. В деле, когда б до того дошло, то хотя бы весьма скорее заряжать, *но скоро стрелять отнюдь не надлежит, а верно целить* (курсив мой. — Примеч. авт.)»⁶.

Таким образом, мы можем констатировать: обучение в Суздальском пехотном полку было построено на глубоко разумных началах, чуждых всяческой отупляющей бессмысленной муштре, пригодной только для псевдовоенной парадомании. Суворов уже тогда, имея лишь один полк, стремился обучить его всему, что потребует на войне. Пройдет всего несколько месяцев, и его метод обучения с успехом пройдет проверку летом 1765 г. на красносельских маневрах при самой государыне.

¹ То есть не для строевого смотра или отдавания караулом чести начальству.

² Суворов А. В. Документы. — Т. 1. — С. 364.

³ Там же. — С. 86.

⁴ Плутоног — часть ротного развернутого строя, то есть приучать к стрельбе по взводам, «перекатами».

⁵ То есть прицеливания быстро.

⁶ Петрушевский А. Ф. Указ соч. Т. 1. С. 60–61.

Был июнь, в тридцати верстах от столицы в Красносельский лагерь были вызваны дивизии генерал-фельдмаршала Бутурлина и генерал-аншефов А. М. Голицына и П. И. Панина. Вместе они составили 16 полков пехоты, в том числе три полка гвардии, семь полков кавалерии и бомбардирский артиллерийский полк. Всего собралось 30 тысяч человек, в лагерь они вступили 15 июня. Суворов вел свой полк ускоренными маршами, чтобы успеть в срок. Несмотря на усиленную нагрузку, в полку не оказалось ни заболевших, ни отставших. Первые два дня, 16 и 17 июня, всем полкам пехоты было приказано производить ружейную экзерцицию, а 19-го состоялся парад. Екатерина II в мундире полковника конной гвардии верхом объезжала войска, длился объезд два часа с небольшим. После этого войска разделили на две «армии» — императрицы и Панина. Суворов со своим полком входил в армию государыни.

И вот тут произошло интересное: для прикрытия левого фланга и отчасти фронта «армии» императрицы под начальством бригадира Измайлова был сформирован легкий корпус. В него были назначены один батальон мушкетеров, две гренадерские роты Суздальского пехотного полка и несколько кавалерийских частей. Тот факт, что пехоту этого наиболее подвижного отряда составили именно суздальцы, говорит о том, что Суворов уже успел добиться известных успехов в обучении полка, повысив его маневренность, и об этом уже было известно высшему командованию. Так его отличили среди других полковых командиров, и в следующие дни он доказал, что достоин этого.

Сначала, как и полагалось, легкий корпус произвел рекогносцировку¹ расположения «армии» противника. Началось с того, что кавалерия потеснила посты и пикеты «неприятеля», а вслед полковник Суворов со своими суздальцами и артиллерией перешел в наступление от Дудергофского холма к реке Пудость. Он занимал одну высоту за другой, конница прикрывала фланги, а за пехотой следовало командование «армии» для обозрения позиций противника. Добыв необходимые сведения, легкий корпус в полном порядке произвел отход к главным силам. Маневр был произведен четко, длился весь день и завершился к десяти часам вечера. По прибытии к месту расположения государыниной «армии» легкий корпус незамедлительно расставил сторожевое охранение.

Далее 23 июня Суворов со своим полком занимал позицию близ Дудергофа: «плоское место от мызы Таицкой до бугра и рощи направо и ветря-

¹ То есть обозрение, разведку.

ную мельницу»¹. Военная игра продолжалась, и 25 июня была дана «генеральная баталия». Таким образом, летние маневры, да еще в обстановке лагерей, явились не столько экзерцированием и парадированием, сколько попыткой реконструировать действительную боевую обстановку и тем самым имели большое практическое значение. Участие в них должно было произвести на нашего героя большое впечатление и укрепить в нем уверенность, что, подчиняя у себя в Суздальском пехотном полку обучение реальным потребностям войны и боя, он идет правильным путем.

Маневры завершились 28 июня большим придворным праздником: балом и ужином, изюминку увеселения составляло то, что происходило оно прямо посреди военного лагеря в большом полотняном доме за огромным праздничным столом и было приурочено к третьей годовщине восшествия Екатерины II на престол. Среди приглашенных в окружении государыни расположился Василий Иванович, как и положено генерал-аншефу, Александроневскому кавалеру и премьер-майору гвардии, а среди общей массы офицеров сидел и полковник Александр Суворов. Императрица уже обратила на него внимание: он был допущен к церемонии целования высочайшей руки, но сидел пока поодаль в соответствии с чином. Но поверьте, пройдет несколько лет — и он окончательно выделится из общей массы и обратит на себя постоянное внимание, а чины и награды не заставят ждать.

Через три дня, 1 июля, закончив красносельские маневры, Суздальский пехотный полк во главе со своим командиром отправился назад, в Новую Ладугу, форсированными маршами и снова, несмотря на напряжение, в полку не было ни одного больного. По возвращении на берег Волхова полковник наш мог уже без всяческих помех заниматься полком своим так, как он считал правильным.

Материальное обеспечение, строевое обучение, стрельбы, форсированные марши, обучение солдат преодолению любых препятствий и преград без предварительной подготовки, будь то река вброд или вплавь или монастырская стена, действовать сразу же по внезапному приказу взыскательного командира — вот что составило теперь главный, но не единственный предмет его усилий.

Очень важное место уделял он нравственному воспитанию солдат и офицеров, а потому, во-первых, полковник выстроил полковую церковь, затем здание для полковой школы. Закон требовал содержать ее в первую очередь для солдатских детей и их сирот, начиная с семилетнего возраста, «обучая грамоте — читать, писать и часть арифметики; определяя к обу-

¹ *Меерович Г. И., Буданов Ф. В. Указ. соч. С. 113–115.*

чению надежных унтер-офицеров под смотрением одного офицера»¹. Суворов же открыл сразу две школы: одну для солдатских, а другую для дворянских детей, разделил на классы и стал сам в них преподавателем. И это при том, что как командир полка он был очень занят по службе. И все-таки герой наш находил время учить начальным правилам арифметики и написал для этого учебник. Как видно, сказалась память о годах обучения «указным наукам» дома в Москве. А еще вернее предположить, что как всякий настоящий офицер, был он и настоящим педагог — и не только для солдат, но и для детей. Как человек религиозный и искренне верующий, составил он там же молитвенник и короткий катехизис. Знаменитый биограф полководца Петрушевский писал, что «автор, сообщаящий это известие, сам видел экземпляр суворовского рукописного молитвенника»².

Курсы образования по объему в школах были разные, в чем именно состояла разница, нам неизвестно. Но дошли сведения, что в дворянской школе «кадетов» знакомили с началами драматического искусства и театра, и тут, как видно, сказались пристрастия командира. Известно, что когда в 1766 г. Новую Ладогу посетил наместник новгородский граф Я. Е. Сиверс, воспитанники разыграли перед ним какую-то пьесу³. Этот просвещенный вельможа был в восхищении и от образцово устроенного полкового хозяйства, и от «кадетского» театра, и от сада, разбитого на ранее бесплодной почве, в котором полковник собственноручно посадил плодовые деревья.

Чем же было все это? Следствием рачительного ведения сложного дела? Добротой человеческого сердца? Проявлением неумемной энергии, которой мало одной чисто военной сферы? Да, все это мы находим в удивительной человеческой личности Александра Суворова. И все это называется — русский человек эпохи Просвещения.

Год 1766-й — далеко не простой в истории России. В этот год Екатерина II делает важнейший шаг к обретению имени Великая — она начинает сочинение своего знаменитого «Наказа» и подготовку к созыву Уложенной комиссии, которая должна была стать ее помощницей в составлении новых законов для России. Весной этого года Вольное экономическое общество по тайной подсказке императрицы объявило конкурс на сочинения по теме «Что полезнее для общества, чтобы крестьянин имел в собственности, — землю или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое простираются должны?». 6 апреля этого года Общество присуди-

¹ *Петрушевский А. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 47.*

² Там же.

³ Там же.

ло главный приз доктору права из Аахена — Беарде де Л'Аббе, утверждавшему, что даже самый бедный крестьянин гораздо нужнее государству, чем праздный, неотесанный и алчный вельможа. Крестьянин должен иметь личную свободу и право владеть землей и движимым имуществом¹. Чем-то новым повеяло в весеннем русском воздухе.

«Надо возделывать свой сад», — возглашает Вольтер в разгар Семилетней войны в своем «Кандиде». И полковник Александр Суворов наступившей весной берет в руки лопату и сажает плодовые деревья на берегу древнего Волхова, под нашим северным небом. Он начинает с того, чем заканчивает свою повесть великий француз.

¹ *Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. — М., 2002. — С. 226.